

оба они стали заложниками обстоятельств: «Хагеман – бедны чалавек. Рус Иван – бедны чалавек. Цвай бедны чалавек...» [5;173]. И здесь в сознании Волоки также срабатывают идеологические стереотипы: «Які бедны? – невядома чаму сумеўся Валока. – чаго Иван бедны? ... Калгаснік я» [5;173]. Не желая уступать немцу, считающему, что «кальхас бедна», Волока не чувствует себя уверенно, однако в невольном возникшем споре он пытается оставить последнее слово за собой: «От жылі. Каб не вы, фашысты» [6;174].

В то же время солдаты понимают, что их судьба зависит от происходящего наверху: «Вось вылезем, а тады што?» [5;169]. По мере продвижения наружу у Волоки растет чувство страха и подозрительности: «Баец зняў ПППШ з пляча, бяздумна сунуў яму і раптам спалохаўся. Аўтамат апынуўся ў немца, і Валоку – кароценька, на імгненне – здалося: абхітрыў!» [5;182]. Схожее чувство испытывает герой «Четырех дней», когда в окружающем пространстве появляются люди. В сознании Иванова возникает подкрепленный пропагандистским «образом врага» страх оказаться у турок: «К этим мучениям прибавятся еще другие, более ужасные, от которых дыбом волос становится, даже когда о них читаешь в газетах. Сдерут кожу, поджарят раненые ноги... » [6;28–29]. После выхода Ивана и Фрица из замкнутого пространства всё возвращается в исходное положение. И перед Волокой теперь не столяр Фриц Хагеман: «... у яго вачах адбіўся ўжо страх і азвярэлая лютасьць чалавека, у якога не было выйсця» [5;184] – и в сторону Волоки летит граната. Но память о встрече с вражеским солдатом один на один стала для него, как и для Иванова и Русского, толчком к осознанию абсурдности войны: «...разгарачаным нутром ён толькі адчуваў, што сталася вялікая, яшчэ не ўсвядомленая да канца нясправядлівасць, перад магутнаю сілай якой і ён, і Фрыц Хагеман былі бездапаможнымі» [5;185].

Таким образом, преэмптентность художественных решений в художественном осмыслении проблемы восприятия противника является подтверждением установки на психологизацию батального пространства, прослеживаемой в классических образцах военной прозы XIX и XX веков.

Литература

1. Сенявская, Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С.Сенявская – М.: РОССПЭН, 2006. – 282 с., илл.
2. Басистов, Ю.В. Особый театр военных действий. Листовки на фронтах Второй мировой войны / Ю.В.Басистов – СПб.: Русско-Балтийский инф. центр БЛИЦ, 1999. – 135 с.
3. Куняев, С.Ю. Времена и легенды. / С.Ю.Куняев – М.: Современник, 1990. – 223 с.
4. Адамовіч, А. «Браму скарбаў сваіх адчыняю...» / А.Адамовіч – Мінск: Выд-ва БДУ, 1980. – 224 с., іл, 1 л. партр.
5. Быкаў, В. Збор твораў. У 6 т. Т.6. Аповесць, апавяданні, драма, публіцыстка. / В.Быкаў – Мінск: Маст. літ, 1994. – 543 с., [4] л. іл.
6. Гаршин, В.М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма / Сост. В.И.Порудоминский / В.М.Гаршин – М.: Сов. Россия, 1984. – 432 с., 1 л. портр.

Е.М. Лепишева (Белорусский государственный университет)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОЛЛИЗИЯ «ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ» В ПЬЕСАХ Е. ПОПОВОЙ И РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ КОНЦА XX ВЕКА

Пьесы белорусского (русскоязычного) драматурга Е. Поповой хорошо известны как в Беларуси, так и в России. Успешно идущие на сценах театров, они интересны и понятны зрителю, потому что отражают актуальные проблемы современного социума, выстраивая проекцию на проблемы экзистенциальные, бытийные («неукорененность» человека в мире, идея смыслоутраты, тотальное одиночество, потеря самоидентичности). Обращение к социально-экзистенциальной проблематике характерно и для многих

русских авторов, продолжающих развивать традиции «новой волны» (А. Галин, М. Ворфоломеев, В. Мережко, Н. Коляда и др.).

Специфика конфликта и коллизий, лежащих в основе их пьес, еще недостаточно исследована. Отдельным произведениям посвящены работы отечественных (С.Я. Гончарова–Грабовская), и российских (Н.Лейдерман, М.И. Громова, С.Н.Моторин) ученых, однако сравнительно-типологического сопоставления не проводилось, что будет принято в данной статье.

Для анализа выбраны пьесы белорусского и русских драматургов, созданные в конце XX века: «Маленькие радости живых» (1989) Е. Поповой, «...Sorry» (1990) А. Галина, «Срок проживания окончен» (1988) М. Ворфоломеева, киносценарий В. Мережко «Собачий пир» (1990), пьесы Н. Коляды 1989-1990-х гг. («Рогатка», «Мурлин Мурло», «Сказка о мертвой царевне»). Их сближает общий конфликт, имеющий субстанциальную природу и выстроенный на столкновении героя с «трагической инстанцией» [8;387], в качестве которой выступает переломный момент истории. Само время воспринимается как экзистенциальная ситуация, требующая мобильной переориентации, выбора собственной судьбы, остро ставящая проблему аутентичности.

Избранные драматургами сюжетобразующие положения восходят к модели «некритичной» экзистенциальной ситуации [9;48], когда герою не угрожает физическая гибель, но он осознает невозможность существовать в дисгармоничном мире. Неприятие «внешних» обстоятельств аккумулирует «внутреннюю» (психологическую) коллизию, симптомами которой становятся ощущения одиночества, незащищенности, желание уйти из жизни.

Экзистенциальная коллизия «переходной эпохи» лежит в основе пьесы Е. Поповой «Маленькие радости живых», воссоздающей разные жизненные стратегии героев. Исходное сюжетное положение некритично, «внешнее» сценическое действие сведено до минимума: в «скрипучем, обшарпанном номере» московской гостиницы случайно встречаются разные в социально-нравственном отношении люди: партийный функционер Вовочка, «советская аристократка» Маргоша, будущий эмигрант Давид и отягощенная бытовыми трудностями Лилия. Внимание сосредоточено на «внутреннем» действии, основанном на динамике переживаний дисгармоничных взаимоотношений с миром, катализатором которых становится на первый взгляд незначительное событие (интрига Маргоши с целью унизить Лилию). Однако именно попрание человеческого достоинства неожиданно рождает чувства тотального одиночества, онтологического сиротства, свидетельствующие о непрочной человеческой позиции в мире, ввергнутом в хаос кардинального переустройства. Таким образом, «внешний» конфликт, развивающийся по линии «герой-обстоятельства», обретает философскую перспективу, скрытую в подтексте, и выстраивается как неприятие героем миропорядка в целом.

Имплицитно присутствует «пограничная» ситуация, смоделированная «в соответствии с эстетикой внутреннего действия и субстанционального конфликта» [2;65], и в произведениях бывших представителей «новой волны». Экспозицию пьес образует «антимир», погранный в самом основании, изначально враждебный человеку, воплощением которого становятся *морг* («...Sorry» А. Галина, «Сказка о мертвой царевне» Н. Коляды), *заброшенный дом* («Собачий пир» В. Мережко). Наиболее близкой для Е. Поповой в плане пространственно-временной организации и «сюжетного обрамления» конфликта стала пьеса М. Ворфоломеева «Срок проживания окончен», действие которой происходит в гостиничном номере, несущем семантическую нагрузку хронотопа дороги (мотивы риска, неприкаянности, неопределенности судьбы).

Существенное отличие состоит в авторской интерпретации «внутренней» (психологической) коллизии, выстраивая которую, белорусский и русские драматурги выявляют нравственно-духовное состояние человека, совершающего выбор между «конеч-

ной абсурдностью» и «высшим смыслом» [10;43]. Констатация «конечной абсурдности» присуща героям А. Галина («...Sorry»), В. Мережко («Собачий пир»), лишенным экзистенциального прозрения, не способным оторваться от «ничто». Пройдя через «пороговую» ситуацию, они остаются глубоко отчужденными от мира, эгоцентризм становится их «неподлинной формой коэксистенции» [1;52].

В отличие от произведений А. Галина и В. Мережко, у Е. Поповой, Н. Коляды и М. Ворфоломеева обнаруживается тенденция к разрешению «внутреннего» противоречия, симптомом которой становится выбор «высшего смысла». Не допуская реальной победы героев над условиями среды, драматурги отстаивают право на победу духовную, экзистенциальную, открывающуюся в осознанном выборе, который «позволяет выйти из душевного “подполья”, бескультурья и “безнадеги”» [11;215]. Восстановление смысла приходит с тем, что в философии экзистенциальной ориентации принято называть «тройной трансцендентностью Я, мира, сообщества» [1;50]: с приобщением к чужой боли, с подлинным обретением Другого, являющимся, по мысли драматургов, «самой действительной моделью противостояния экзистенциальной энтропии» [6;167]. Так, неожиданно сближаются Вовочка и Лиля («Маленькие радости живых» Е. Поповой), единение накануне смерти дано испытать Тихову и Даше («Срок проживания окончен» М. Ворфоломеева), очищение души любовью проходят персонажи Н. Коляды: Илья («Рогатка»), Ольга («Мурлин Мурло»), Римма («Сказка о мертвой царевне»).

Таким образом, типологическая параллель обусловлена схожим авторским видением «внутреннего» противоречия человека в ситуации «порога», состоящего в «сопряжении страшного, беспросветного отчаяния и высокой экзистенциальной надежды» [7;7]. Однако смысловые акценты в разрешении этого противоречия свидетельствуют о творческой индивидуальности драматургов.

Анализируя общую экзистенциальную стратегию героев (признание «высшего смысла»), мы пришли к выводу, что базисом ее становятся различные концепты: «правда» у М. Ворфоломеева, (понимаемая как социальная справедливость), «Идея Жизни как высшей ценностной меры» у Н. Коляды [5;575], «малые радости» / «маленький мир» (интимная сфера индивидуального бытия) у Е. Поповой. Мировоззренческая ориентация на один из этих концептов определяет расстановку акцентов в решении «внутренней» коллизии. В пьесе М. Ворфоломеева «Срок проживания окончен» подчеркивается нравственно-духовное превосходство неустроенных героев (провинциала Тихова и проститутки Даши) над средой (представители властных структур), отсюда – сюжетное развитие конфликта по линии «герой – социум». Неслучайно пьеса завершается сюрреалистической сценой восхождения Тихова и Даши на небо, «прочитываемой» как стремление к солидарному единству с неким высшим абсолютом, наполненным справедливостью и покоем.

В отличие от М. Ворфоломеева, концептуальным понятием в произведениях Н. Коляды рубежа 1980-1990-х гг. становится «Идея Жизни», к которой приобщаются герои в ситуации «порога». Они осознают не столько социально-нравственный изъян мира (отсутствие «правды»), но изъян изначальный, онтологический, заключающийся в неминуемой конечности земного существования. В свете этого «последнего вопроса» их социальное бытие утрачивает значимость, рождается преклонение перед феноменом жизни, ощущение ее ценности безотносительно «внешних» условий. Лишая себя жизни, Илья («Рогатка»), Ольга («Мурлин Мурло»), Римма («Сказки о мертвой царевне») одерживают победу духовную, залогом которой становится свободный выбор.

Понятийная формула взаимоотношений с миром, к которой стремятся героини пьесы Е. Поповой «Маленькие радости живых», – «малые радости», частная жизнь, наделенная белорусским драматургом безусловной ценностью. Погружение в обыденное существование воспринимается не как «вещизм» и пошлость, но как слияние со стихии-

ей жизни. Пытаясь обустроить бытовое пространство (сцена ужина, покупок), обрести любовь (Лиля – Вовочка), герои отстаивают свое право на уют, дом, семью – ту традиционную систему ценностей, которая подверглась колоссальному прессингу в условиях «переходной эпохи».

Итак, в произведениях бывших представителей «новой волны» русской драматургии нашла художественное воплощение экзистенциальная коллизия «переходной эпохи», которая определила и творческие поиски Е. Поповой конца XX века. Потенциальная возможность ее благополучного разрешения, имплицитно присутствующая в подтексте пьесы белорусского драматурга (выбор «высшего смысла» через приобщение к «малым радостям»), отражает как личные мировоззренческие установки, так и национально-ментальные особенности (терпение, примирение с обстоятельствами, поиск опоры во внутреннем мире). Кроме того, подобное разрешение «внутренней» коллизии характерно для мелодрамы, интерес к поэтике которой возникает у Е. Поповой раньше, чем у русских коллег (исследователи отмечают черты мелодрамы в пьесах Н. Коляды середины 1990-х). Это обусловлено «женским чувствованием мира» [4;67], повышенным вниманием к страданию, ставшему маркером «тяжелой эпохи умерщвления личности как живого» [3;261].

Литература

1. Аббаньяно, Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм / Н. Аббаньяно. – СПб.: Алетейя, 1998. – 505 с.
2. Вербицкая, Г. Я. К проблеме изучения субстанционального конфликта / Г. Я. Вербицкая // Вестник ВЭГУ. – 2011. – № 3 (53). – С. 64-68.
3. Есенин, С.А. Собр. соч.: В 3т. Т. 3: Проза; Литературно-критические статьи и заметки; Автобиографии; Письма и заявления / Вступ. ст. Ю. Прокушева. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Литература, 2001. – 384 с.
4. Куралех, А. Быт и бытие в прозе Людмилы Петрушевской / А. Куралех // Литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 63-67.
5. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М.: Академия, 2003. – Т.2: 1968-1990. – 2003.
6. Лейдерман, Н. Маргиналы вечности, или Между «чернухой» и светом / Н. Лейдерман // Современная драматургия. – 1999. – № 1. – С. 162-170.
7. Липовецкий, М. «Свободы черная работа»: об «артистической прозе» нового поколения / М. Липовецкий // Вопросы литературы. – 1989. - № 9. – С. 3-45.
8. Пави, П. Словарь театра / П. Пави. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
9. Сипко, Ю. Н. Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю. Н. Сипко. – Ставрополь, 2006. – 244 с.
10. Франкл, В. Э. Воля к смыслу / В. Э. Франкл. – М.: Апрель-пресс: ЭКСМО-пресс, 2000. – 366 с.
11. Чепурина, В. В. Культурная обусловленность драматического конфликта (на материале русской драматургии советского периода): Дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / В. В. Чепурина. – Кемерово, 2006. – 245 с.

Е.П. Маяк (Минский государственный лингвистический университет)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРВИЧНОЙ НОМИНАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННО МАЛОГО КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Одним из важнейших понятий современного миропонимания, наряду с пространством, движением, временем, является количество. Языковые средства вербализации квантитативных представлений демонстрируют особенности восприятия количества определенным этносом под влиянием экстра- и внутрилингвистических факторов. В белорусской лингвистике и литературоведении языковые средства выражения категории квантитативности анализируются в работах А.Е. Супруна, П.В. Верхова, М.А. Жидовича, А.И. Наркевича, А.И. Чабярук [1, 2, 3, 4, 5]. Однако категория квантитативно-